

Они промчались по какой-то старой, давно не видевшей ремонта улице с покосившимися, обветшалыми низкими домами, с горками мусора, неубранного, видимо, с прошлой недели. От мусорных баков, переполненных и зловонных, то и дело тянуло удушливым, сладковато-тошнотворным запахом разложения. Несколько тощих, облезлых дворовых котов, увидев приближающихся людей, настороженно зашипели, выгнули спины и, сверкнув в темноте зелёными глазами, шмыгнули в подворотню.

- Дедушка Чжан, а мы куда направляемся? - поинтересовался Шэнь Чан Ань, останавливая велосипед у ворот какого-то заброшенного, давно замороженного строительного объекта. - Духов ловить или на мусорную свалку на экскурсию? Место что-то не очень подходящее для спиритических сеансов.

Он оглядел усеянную острым щебнем, битым кирпичом и ржавой арматурой землю и совершенно естественным, даже не задумываясь, движением подхватил слезающего с велосипеда старика под локоть, поддерживая и подстраховывая.

- Ты это чего? - старик Чжан покосился на поддерживающую его руку и дёрнулся, пытаясь высвободиться, вырваться из этой ненужной, по его мнению, опеки. - Иди сам, я прекрасно могу передвигаться без посторонней помощи. Я не инвалид и не дряхлый старик, между прочим!

- Я не Вас поддерживаю, дедушка Чжан, - ничуть не смутившись, нашёлся Шэнь Чан Ань, даже не убирая руки. - Я боюсь! Честное слово, боюсь! Вдруг оттуда, из темноты, из этих развалин, и правда что-нибудь вылезет? Какая-нибудь неведомая хтонь, призрак или зомби? А Вы рядом, Вы же меня, беззащитного, защитите, правда? Вы же у нас специалист по этим делам! - рассудил он про себя, что старики, они как дети: иногда нужно немножко слукавить, немножко польстить, создать иллюзию, что они главные, сильные и нужные.

Старик Чжан открыл было рот, чтобы возразить, чтобы высказать всё, что он думает о таком наглom и неумелом вранье, но, взглянув на руку, надёжно и крепко поддерживающую его под локоть, и почувствовав тепло и заботу, исходящие от этого жеста, промолчал и отталкивать не стал. Только буркнул что-то неразборчивое себе под нос и позволил себя вести.

На территории заброшенной стройки царил полумрак, едва разгоняемый тусклым светом далёких фонарей. Смутно, как в кошмарном сне, угадывались очертания каких-то времянок и лачуг, давно покинутых строителями, а может, и бомжами. Стены обвалились, крыши провалились, зияли чёрные провалы окон и дверей - тёмная, бесформенная, пугающая масса.

Внезапно, откуда ни возьмись, из самой густой темноты раздался пронзительный, душераздирающий кошачий вопль, от которого у Шэнь Чан Аня волосы зашевелились на затылке. И тут же ему вторил испуганный, отчаянный писк крыс, заметавшихся в панике.

Шэнь Чан Ань, стараясь не выдать своего волнения, включил на телефоне фонарик - яркий, светодиодный луч прорезал темноту, выхватывая из неё куски разбитого асфальта, ржавую арматуру, груды строительного мусора. Вокруг - высокая, по пояс, сорная трава, бурьян,

чертополох. Жутковато, неудобно, страшновато было здесь даже без всяких призраков и духов.

И тут он увидел, как старик Чжан, достав из-за пазухи несколько жёлтых бумажных полосок, испещрённых затейливыми, непонятными знаками, начертанными киноварью, торжественно подбросил их в воздух над головой. И они... они мгновенно, без всякой спички, без огнива, сами собой вспыхнули ярким, неестественно-синим пламенем!

Шэнь Чан Ань от удивления даже рот приоткрыл. Он услышал, как старик забормотал что-то себе под нос нараспев, на незнакомом, гортанном языке – слова лились рекой, ритмично, завораживающе. Он не разобрал ни единого слова.

Едва заклинание смолкло, как внезапно, словно по команде, откуда-то из-за развалин налетел шквальный, ледяной ветер. Он завывал, свистел, рвал одежду, трепал волосы. Казалось, из самой темноты, из чёрных провалов окон, из густых зарослей бурьяна вот-вот вырвутся полчища неведомых тварей, голодных и злобных. Куртка на плечах Шэнь Чан Аня яростно захлопала, норовя сорваться и улететь в ночь. Он инстинктивно втянул голову в плечи, поёжился и, затаив дыхание, уставился на медленно сгорающие в воздухе, рассыпающиеся яркими искрами жёлтые амулеты (1).

- Явись! - прокричал старик Чжан властно, громко, перекрывая вой ветра.

С этим окриком стихло всё. Даже ветер, только что бушевавший, затих, словно его и не было. Даже цикады, стрекотавшие где-то вдалеке, умолкли. Наступила абсолютная, мёртвая, звенящая тишина.

Шэнь Чан Ань во все глаза, не мигая, вглядывался в тёмные углы, в провалы окон, в заросли бурьяна – оттуда, по идее, должно было что-то появиться. Должно было, непременно, по законам жанра.

Время словно остановилось, застыло, превратилось в желе. Ветер утих окончательно. Тишина стала такой плотной, что её можно было резать ножом. И вдруг какая-то лягушка, огромная, зелёная, выпрыгнула прямо из темноты, громко, нахально квакнув, перепрыгнула через ногу Шэнь Чан Аня и, важно переваливаясь, скрылась в высокой траве.

- Ква-ква, - её голосок, такой обыденный, такой земной, прозвучал в этой тишине почти насмешливо, издевательски. Казалось, она хохочет над ними, над двумя глупыми людьми, затеявшими ночную охоту на призраков и оставшимися с носом.

Когда ветер стих окончательно и бесповоротно, Шэнь Чан Ань осторожно огляделся по сторонам – ну, где же? – и не решился спросить у старика Чжана, где обещанные духи, боясь его обидеть. Старик Чжан, не веря своим глазам, снова полез за пазуху и выхватил оттуда целую пачку, целую колоду новеньких, ещё пахнущих свежей краской амулетов, потряс ими в воздухе, что-то прокричал... Но на этот раз не случилось даже ветерка.

Только беспросветная, всеобъемлющая, абсолютная неловкость, повисшая в воздухе, как смог.

Воздух был пропитан запахом горелой бумаги и каких-то странных, жжёных трав. Шэнь Чан Ань, чтобы скрыть смущение и не смотреть на удручённого старика, задрал голову к небу – там, в вышине, меж редких облаков, мирно, безмятежно мерцали холодные осенние звёзды. Красиво. Спокойно. И ни намёка на потустороннее.

– Ладно, – выдохнул старик Чжан с бесконечной усталостью в голосе, истратив последний амулет, последнюю надежду. Он посмотрел на Шэнь Чан Аня, стоящего в паре шагов, и во взгляде его читалось такое изумление, такое недоумение, такая смесь досады и восхищения, словно перед ним был не обычный парень, а редчайший музейный экспонат, диковина, уникал, каких днём с огнём не сыщешь.

---

1. 符咒 (fúzhòu) – Амулеты / Заклинания-талисманы – в даосизме и народной традиции бумажные, деревянные или матерчатые полоски с начертанными тушью или кинovarью магическими знаками, заклинаниями, именами божеств. Считаются мощным инструментом для изгнания нечисти, лечения болезней, привлечения удачи, защиты от зла. Могут сжигаться, носиться на теле, наклеиваться на косяки дверей или предметы.

<http://bllate.org/book/16518/1504687>